

Даже самые тщательно выстроенные планы рушатся, словно карточный домик. Пятнадцать лет свободы. Пятнадцать лет на воспитание ребенка. Пятнадцать лет, чтобы изжить мучительную вину. Пятнадцать лет, чтобы привыкнуть к новой жизни. Но даже самые лучшие намерения оказываются бессильны перед лицом судьбы. И что бы ни планировал Певерелл, что бы ни желали новые родители и крестные, что бы ни было лучше для самого ребенка, в итоге все пошло не так. Певерелл отдал ребенка в руки молодой и отчаявшейся пары. Мужчина был наследником влиятельной французской магической семьи. Они с женой безуспешно пытались завести детей, и, наконец, отец мужа поставил ультиматум: если в течение двух лет у них не появится ребенок, брак будет расторгнут. Пара не хотела развода, ведь, в отличие от многих, они по-настоящему полюбили друг друга после свадьбы. Поэтому они обратились за помощью к другу, и именно к нему обратился Певерелл. Ребенок был усыновлен путем кровного усыновления, чтобы гарантировать его принадлежность к семье, прежде чем они вернутся во Францию. Поскольку официально они прожили последний год у двоюродного брата в Великобритании, чтобы избежать давления со стороны родителей и тещи, они могли просто заявить, что это их собственный ребенок, рожденный женой. Родители были счастливы. Бабушки и дедушки были счастливы. У ребенка появилась семья. А Певерелл исчез из их жизни, чтобы вернуться туда, откуда он пришел. Это должно было стать концом их общения на следующие пятнадцать лет. Но не стало.— Простите, это дом Сальватио Малфуара? — Человек у двери с подозрением смотрел на незнакомца. Незнакомец был высок, изможден, с бледной кожей, черными волосами и налитыми кровью глазами.— Кто хочет это знать? — наконец произнес мужчина. У него были рыжие локоны и неземные зеленые глаза, словно убийственное проклятие, которое скоро будет изобретено.— Я Анастасиус Сангини, — сказал незнакомец. — Я учитель в Хогвартсе, школе, в которой учится ваш сын. Мужчина лишь приподнял бровь.— Он не мой сын, — сказал он. — Он мой племянник и крестник. Я искренне удивлен, что в Хогвартсе преподает вампир. В ответ раздалась ухмылка, полная клыков.— Я знаю, что мой род не часто встречается вне ковена, но... ну... можно сказать, что я... другой, — сказал вампир. — Не волнуйся, я не использую детей в качестве закуски или чего-то идиотского. Большинство слухов, которые вы обычно слышали о вампирах, сильно преувеличены.— Так ли это, — сказал мужчина, его холодные зеленые глаза оценивали стоящее перед ним существо. В этот момент из дома послышался другой голос.— Николас? — спросил женский голос. — Кто там у двери? Мужчина даже не повернулся, чтобы ответить.— Учитель из школы вашего сына, Катрин, — сказал он. — Вы знаете, что в школе Сальватио учителями работают вампиры? В ответ раздалось фырканье, и рядом с мужчиной появилась невысокая женщина со светло-русыми волосами и лесно-зелеными глазами. Увидев Анастасию, она улыбнулась.— Полагаю, вы профессор Сангини? — сказала она. — Мой сын уже некоторое время говорит о вашем классе. Я думаю, он обожает вас. Вампир вздохнул.— Я... ну, я тоже так думал, мадам Малфуар, — сказал он. — Но... что ж... могу я войти? То, о чем я должен с вами поговорить, не следует обсуждать у входа. Катрин Малфуар склонила голову и отступила назад. Мужчина, Николас, последовал ее примеру, а затем жестом пригласил вампира войти. Вместе со своим гостем они вернулись в гостиную и, пригласив вампира сесть, тоже сели. В комнате уже находились еще два человека: мужчина с черными волосами и холодными серыми глазами и женщина с такими же светлыми волосами, как у Катерины.— Мой муж, лорд Анри Малфуар, и моя сестра Перенель, жена Ника, — сказала Катрин, прежде чем представить вампира мужу и сестре. — Он профессор Сальватио в Хогвартсе, — сказала она. — Профессор Сангини. Вампир поклонился.— Анастасиус Сангини, к вашим услугам, — сказал он и сел. Мгновение спустя один из домовых эльфов принес вино.— Можем ли мы спросить, почему учитель моего сына пришел к нам во время занятий в школе? — холодно спросил лорд Анри Малфуар, слегка приподнявшись, чтобы пристально посмотреть на вампира. Вампир вздохнул.— Это... сложно, — сказал он нерешительно. — Могу я сначала узнать, не случилось ли что-нибудь... дома до того, как он вернулся в школу? И пока остальные взрослые обменивались растерянными взглядами, Николас не осмеливался поднять глаза от своих

пальцев. Он был уверен, что чувство вины написано на его лице... Сальватио Аметист Малфуар всегда был любопытным ребенком. С того дня, как родители положили на него глаз, он всегда отличался от других. В то время как другие дети любили слушать сказки, Сальватио предпочитал учебники. В то время как другие дети начинали скучать на политических мероприятиях, Сальватио оставался и слушал. В то время как другие дети выражали желание играть, Сальватио предпочитал учиться. У ребенка был пытливый ум, и его родители и крестные вскоре узнали, что ответ на один вопрос влечет за собой ответ на три других. Они также поняли, что если держать ребенка подальше от знаний, то он будет еще больше стремиться их найти. В конце концов, отец — Анри Малфуар — сдался и начал учить ребенка политике, чтобы оградить его от других тайн, которые ему еще не следует знать. — Анри, ему всего пять лет! Не кажется ли тебе, что... ну... рановато учить пятилетнего ребенка обходить законы или использовать их для своей выгоды? — спросил крестный отец у обеспокоенного отца, когда тот узнал о новом обучении своего крестника. Ответом был вздох. — Либо так, либо смотреть, сколько времени ему понадобится, чтобы узнать о своем усыновлении, — ответил Анри, озабоченно потирая лоб. — Я люблю его, Николас. Я люблю его, как если бы он был моим собственным сыном... — Он и есть, Анри — С рождения, я имею в виду, — поправил себя Анри и повернулся к двери своего кабинета, чтобы убедиться, что она по-прежнему закрыта, заперта и заколочена. — Как я уже сказал, я люблю его. Но он слишком мал, чтобы понять обстоятельства, которые привели к его личности. Вы действительно думаете, что я могу рассказать пятилетнему ребенку, которому едва исполнилось пять лет, что его настоящие родители умерли около его рождения и что его настоящий дядя не смог забрать его из-за обстоятельств? — Не могу же я говорить с пятилетним ребенком о кровном усыновлении! — воскликнул Анри, с раздражением откидываясь на спинку кресла. — Значит, ты учишь его политике? — усмехнулся крестный, приподняв бровь. Анри устало склонил голову. — Значит, я учу его политике, — согласился он, — это должно занять его на некоторое время... Так и было — почти два года. Потом они вернулись к началу. Да, Сальватио Аметист Малфойр был любопытным ребенком, но насколько любопытным, Николас узнал только после того, как мальчик провел дома полтора месяца после второго года обучения в Хогвартсе. Сам Николас был изобретателем и алхимиком, его имя гремело в магическом мире. Многие изобретения в области магии были его творением, многие открытия в алхимии — плодом его гения, множество новых зелий и заклинаний вышли из-под его пера. В тот день жена Николаса, Перенель, решила навестить своих родителей. Катрин и Анри тоже собирались поехать. Николас остался присматривать за Сальватио, который в тот момент мирно спал. — Не волнуйтесь, — заверил он, когда жена и невестка с мужем ушли, — я присмотрю за Сальватио. — И никаких новых зелий, пока мы не вернемся, Ник! — предупредила жена, — Кто знает, может, ты даже взорвешь дом, если рядом не будет никого из нас, чтобы остановить тебя! Николас подавил смех. — Ты знаешь, что я никогда бы этого не сделал, любимая, — ответил он, а затем поцеловал ее на прощание. — До встречи! Сейчас, несколько месяцев спустя, Николас горько жалел, что не послушал жену тогда. Но он не послушал. И поплатился за это. В десятикратном размере.